

**РОССИЙСКИЕ УЧЁНЫЕ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОДЖИ АХРАРА
(КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)**

Вохидов Шодмон Хусейнович

*д-р ист. наук, профессор,
Ташкентский государственный
технический университет им. Абурайхана Беруни,
Республика Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: Pamir1961@mail.ru*

Ботиров Мирзобахром Абдукаххарович

*преподаватель Андижанского государственного
университета им. Захираддина Мухаммада Бабур,
Республика Узбекистан, г. Андижан*

**RUSSIAN RESEARCH SCIENTISTS OF KHODZHA AKHRAR'S
PROFESSIONAL AND PERSONAL LIFE
(THE END OF XIX CENTURY-THE BEGINNING OF XX CENTURY)**

Vohidov Shodmon

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Tashkent State Technical University named after Abu Rayhan al-Biruni,
Uzbekistan, Tashkent*

Botirov Mirzobahrom

*Lecturer, Andijon State University named after Zahiruddin Muhammad Babur,
Uzbekistan, Andijon*

АННОТАЦИЯ

В статье дается обзор исследований российских ученых конца XIX — начала XX века о жизни и деятельности видного предводителя ордена накшбандиев в Средней Азии, самого богатого и влиятельного собственника

эпохи тимуридов Ходжи Ахрара (1404—1490). Он имел огромное политическое и экономическое влияние на общество своей эпохи. Источники и литература о жизни и деятельности Ходжи Ахрара по-разному оценивают его роль и место в общественно-политической жизни эпохи после Улугбека (уб. в 1449 г.). Это доказывает и историография работ российских ученых конца XIX — начала XX века.

ABSTRACT

The article deals with the survey and the analysis of literature and Russian scientists' research in the end of XIX century — the beginning of XX century about Khodzha Akhrar's professional and personal life (1404—1490) as a prominent leader of Naqshbandi order in Central Asia, the richest and the most influential owner of Timurids' Epoch. Khodzha Akhrar had great political and economic impact on societies of that time. His role and the place in social and political life during the Epoch after Ulugh Beg (1449) are estimated differently by sources and literature about Khodzha Akhrar's professional and personal life. It is also proved by the historiography of Russia scientists' works in the end of XIX century — the beginning of XX century.

Ключевые слова: Мовараннахр, историография, русские ученые, Ходжа Ахрар, вакф, вакфнаме, накшбандия, эмир Тимур, тимуриды.

Keywords: Mawarannahr, historiography, Russian scientists, Khodzha Akhrar, waqf, waqfname, Naqshbandi, Emir Timur, Timurids.

Историография жизни и деятельности Ходжи Ахрара (1404—1490), как и его суфийского учения, очень обширна. Богата и зарубежная историография, посвященная Ходже Ахрару и ордену накшбандиев в Средней Азии, их политической, культурной и хозяйственной деятельности. Среди работ, посвященных предводителю ордена накшбандиев в Мовараннахре Ходже Ахрару, особо выделяются работы российских ученых конца XIX — начала XX вв.

Интерес к личности Ходжи Ахрара среди русских ученых начинается со второй половины XIX века в период правления в крае русского царизма. Русский генерал Л.Н. Соболев (1844—1913), глава Азиатского отдела Российского главного военного штаба, автор работ по истории, географии и статистике Средней Азии [12, с. 101—102], изучая историческую географию Туркестана, привлек к своим исследованиям вакуфную грамоту Ходжа Ахрара, которую ему предоставили лица, объявившие себя потомками Ходжа Ахрара. Как известно, *вакуф*, *вакф* (араб., букв. — удержание) — это имущество, в соответствии с мусульманским правом, отказанное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Институт вакфов возник в VII—VIII вв. в халифате. Получил распространение во всех мусульманских странах и явился экономической основой огромного влияния мусульманского духовенства. Вакф мог состоять из недвижимого и движимого неотчуждаемого имущества. Вакфы были двух родов: основной, когда жертвователь полностью терял право на обращённое в вакф имущество, и обычный, когда часть дохода была оставлена в наследственное пользование жертвователю и его потомкам. Управляли вакфом особые лица (мутавалли или назирь). Часто вакуфная собственность освобождалась от налогов грамотой (инойтаме) правителя (или правителей). Вакуфная собственность, к сожалению, в дальнейшем превращается в один из видов скрывания доходов и эксплуатации населения их хозяевами в мусульманском мире.

Во второй половине XIX века для обоснования своих претензий на права собственности к вакуфным и иным собственностям в Туркестане появляются очень много фиктивных грамот. Среди них часто встречались и документы Ходжи Ахрара. Л.Н. Соболев писал, что грамота Ходжи Ахрара в виде свитка была длиной в несколько сажень, ширина достигала пол-аршина. Она состояла из листов, склеенных между собой. Документ состоял из двух частей. Первая часть вакфнаме была очень изящной и, по мнению генерала, подлинной, вторая часть была подделкой [11, с. 334].

По сведениям Л.Н. Соболева, *«составленный в свое время в Самарканде подлинник данного документа был потерян»*. Но несмотря на это он считал, что данный документ является одним из старинных вакуфных документов в Туркестане[11, с. 334].

Исследования Л.Н. Соболева показывают, что он подробно изучил многие вакуфные документы Ходжи Ахрара: *«Там, где достигла нога святого, большинство земель превращались в вакфы. Треть всех земель вдоль дороги от Карши через Самарканд до Ташкента «был вакфом потомков» Ходжи Ахрара»*, — пишет автор.

Именно Л.Н. Соболев определил количество селений, превращенных в вакф Ходжи Ахрара. Все они находились в горных туманах Самарканда, в селении Огалик и Ак Бури. Таким образом, Л.Н. Соболев является первым исследователем документов Ходжи Ахрара.

В 70—80 годы XIX века жизнью и деятельностью Ходжи Ахрара интересовался другой русский востоковед — А.П. Хорошхин. Он собрал богатый материал о земельно-водных отношениях, ремесленных мастерских, устном народном творчестве, преданиях и сказаниях про Ходжи Ахрара [16]. По сведениям этих преданий, Ходжи Ахрару *«принадлежали земли к югу от Самарканда до Шахрисабзских гор»* [17, с. 231—232, 240—241]. Другая отдельная работа А.П. Хорошхина целиком посвящается вакуфным хозяйствам Ходжи Ахрара и его потомков. В этой работе ученый дает важные и точные сведения о вакфах, размерах налога с земли. Например, он писал, что в Туркестане потомкам Ходжи Ахрара принадлежит огромный вакф. Налоги с этих хозяйств поступали в государственную казну, а малая часть принадлежала духовенству [16].

Жизнью и деятельностью Ходжи Ахрара и его учением интересовался и другой русский ученый Н.И. Веселовский (1848—1919). Главная его научная заслуга заключается в том, что он изучил данные эпиграфики мазара Ходжа Ахрара в Самарканде и ознакомил научный мир с ними. Надгробная надпись

Ходжи Ахрара была исследована, прочитана и переведена этим ученым в конце XIX века [7, с. 331—335].

Изучая надпись на стеле могилы Ходжи Ахрара, Н.И. Веселовский пишет об упадке культуры, бедности духовной жизни и эстетических взглядах, отсутствия развития. *«Прежде надписи на общественных зданиях, на могильных памятниках, на монетах писались по-арабски, — теперь туземные ученые не могут даже и читать их. Все измельчало в Туркестане, все пришло в упадок; усилилось лишь ханжество, насильно привитое народу эмирами-святошами, подавившими в стране всякую свободу мысли, следы которой заметны в прежних народных произведениях»* [7, с. 322].

В этой своей работе Н.И. Веселовский широко использует письменные источники (Силсилат ул-арифин, Мажмаъ, т. е. Масмуат, Рашахат, Тарихи Роками), народные предания, также эпиграфические сведения. Среди этих источников он особенно подчеркивает значение «Рашахата», где широко освещается жизнь и деятельность Ходжи Ахрара.

По заключению Н.И. Веселовского, изменение имени Убайдуллоха на Ходжа Ахрар связано с Абдурахманом Джами. Имя «Ходжа Ахрар — хозяин свободных» использовано Джами в его произведении «Тухфат ул-ахрар» (1482), посвященном Ходже Убайдуллаху.

При изучении и переводе надписи из мазара Ходжи Ахрара текст с переводами Н.И. Веселовского редактировали и проверяли В.А. Жуковский (персидский текст) и Н.А. Медников (арабский текст). Должны отметить, что этот научный перевод и примечания до сих являются точными и с научной точки зрения очень важными. К сожалению, многие авторы, «читающие» или «читавшие» этот текст, часто забывают эту заслугу Н.И. Веселовского.

Н.И. Веселовский отмечает, что приведенные в надписях аяты из Корана и предание из хадиса служат для подтверждения «исторической миссии» Ходжи Ахрара. Слова «Лайлат ул-кадр» («ночь предопределения») в числовом значении по абджаду дают дату рождения Ходжи, а слова «Хиййа хатта матлаъ ал-фаджр» обозначают год смерти ишана. *«Таким образом удавалось*

почитателям Ходжи Ахрара найти в самом Коране намеки на святого, на время рождения и смерти его и на великое его значение,» — писал ученый [7, с. 333, прим.3].

Однако в приведенном последователями Ходжи Ахрара хадисе «О знамениях последних времен» Н.И. Веселовский особо останавливается и пишет, что *«в отношении к нашему герою мы имеем хороший пример тех ухищрений, к которым прибегают составители подобных надписей для того, чтобы отыскать в священных текстах намеки на подлежащее прославлению лицо» [7, с. 330, прим. 1].*

Подобные мнения и выводы автора касаются многих мест текста надписи. Тем более по заключениям автора становится ясно, что адепты Ходжи Ахрара, приведенные в сборнике Абу Давуда, текст хадиса привели не полностью. Взятый (отрезанный) из текста отрывок говорит о том, что в Мовараннахре появится человек, появление которого ознаменовал сам Пророк ислама (намекая на то, что появление на свет Ходжи Ахрара был предвиден самим Пророком задолго до его появления). А между тем в продолжении хадиса говорится, что появившегося человека зовут ал-Харис ибн Хурос, упорно работающий на земле. Перед ним будет другой муж по имени Мансур. Он или Хорис проложат дорогу (уготовят власть) роду Пророка, как (некогда) курайшиты уготовили власть Пророку. Всякому мусульманину обязательно помогать ему или, по шариату, повиноваться ему. По заключению Н.А. Веселовского, этот хадис появился в Мовараннахре во втором веке хиджры, при этом жители Мовараннахра предрекали появления Хариса и Мансура в Аравии, имея в виду появление Мухаммеда. Именно по этой причине составители надписи не считали нужным привести продолжение хадиса.

Упоминание хадиса с именем Хариса — сеятеля, возделывателя земли, и предзнаменование о его появлении служат намеком на то, что Ходжа Ахрар занимался земледелием и собранный урожай раздавал бедным. И Джами в своем произведении «Юсуф и Зулайха», хваля Ходжа Ахрара, писал:

«Хазорон мазраа дар зери кишт аст; Ки зоди рафтани рохи бихишт аст» («Засеваемое ими поле сего мира станет путем для увеличения жатвы того мира»). Этим поэт хочет сказать, что «все, что делает Ходжа, ведет его в рай».

Кроме надписей из мазара Ходжи Ахрара, Н.И. Веселовский, изучив письменные источники, посвященные ему, особенно произведение Фахриддина Али Сафи «Рашахат айн ул-хаят», дает важные сведения о родословной Ходжи Ахрара. Результатом этих разысканий стало появление его труда «Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде [7, с. 321—335].

Русский археолог и краевед В.Л. Вяткин [11] много сделал для изучения жизни и деятельности Ходжи Ахрара. Василий Лаврентьевич Вяткин [18(30).81869, Семиречье —26.6.1932, Самарканд] — археолог, проф. (1923). Закончил Ташкентскую семинарию (1894). Основатель Самаркандского краеведческого музея (1896), его директор. В 1905—31 гг. вел раскопки в древнем Афрасиябе, по результатам которых написал работу «Афрасияб — городище бывшего Самарканда» (1926). С помощью местных ученых он установил место обсерватории Улугбека и вел там раскопки (1908—09, 1914). Обращал пристальное внимание на изучение и защиту архитектурных памятников Самарканда («Мирза Улугбек и его обсерватория в Самарканде», «Памятники древнего Самарканда», 1927, «Архитектура древнего Самарканда», 1929), вел археологические исследования в Бухаре (1920) и Хорезме (1929). Он собрал большую коллекцию восточных рукописей, некоторые из которых им же были изданы. Автор учебников «Узбекский язык» и «Персидский язык» для русских школ (1923). В.Л. Вяткин похоронен около обсерватории Улугбека.

В 1896 году он выступил с докладом о Ходжи Ахраре [18, с. 231—232, 240—241; 19] при открытии Самаркандского музея при Статистическом комитете. Доклад был сделан на основе первоисточников («Рашахат», «Масмуат», «Силсилат ул-арифин»). Глубоко изучив деятельность Ходжи Ахрара, В.Л. Вяткин дает сведения и по истории суфизма в Мовараннахре и месте Ходжи Убайдуллаха в деятельности и усилении ордена накшбандия.

Он говорил: *«Высоко гуманное учение Ходжи Ахрара открыло светлый мирок в темном царстве мусульманской казуистики. Упадок мусульманской культуры от окончательной гибели удержал суфизм — учение, не имеющее ничего общего с исламом. По монотеистическому учению Магометан, Бог есть строгий и гневный каратель и господин, а люди рабы его. Суфизм учение пантеистическое; оно говорит, что Бог есть единое бытие, разлитое во всех Его творениях, что цель жизни заключается в смирении, в слитии с божеством, любви к богу и его творениям. Суфизм не мог выступить открыто, а должен был прикрываться текстами Корана. Суфизм есть слияние трех элементов: аскетизма, пантеизма, мистицизма, развившихся на почве ислама. Источник аскетизма суфизм нашел в христианстве, которое задолго до ислама приняли арабы и от которого он перенесен в мусульманство; пантеизм появляется в исламе с завоевания арабами Персии; слившись вместе, аскетизм и пантеизм дают то, что представляется в учении суфистов, а мистицизм явился естественным спутником этих двух элементов... Лучшим выразителем суфийского учения был Ходжа Ахрар»* [18, с. 239].

В своем обзорном выступлении В.Л. Вяткин дает некоторые штрихи к биографии Ходжи Ахрара, его политической деятельности, его огромным богатствам, привел некоторые его слова и мысли как суфийского наставника. В заключение оратор заявил, что *«при приемнике султана Ахмада, сына его Абу Саида, Ходжа Ахрар получает громадное влияние на управление страной и приобретает почти сказочные богатства: у него 13 000 обширных имений, а стадам и рабам нет счета. С той минуты, как Ходжа Ахрар становится близко к престолу, в его личной жизни замечается упадок, лучшим доказательством чего надо считать накопление колоссальных богатств, идущее в разрез со всеми основами его учения. Сам Ходжа Ахрар старается оправдать это разными объяснениями, составляет как бы катехизис богатства»* [18, с. 239].

Во время выступления В.Л. Вяткин заявил, что ведет работу по изучению жизни и деятельности Ходжи Ахрара. В 1904 г. В.Л. Вяткин опубликовал на страницах «Туркестанских ведомостей» свой труд «К биографии Ходжи Ахрара» [19].

Мы должны констатировать, что В.Л. Вяткин одним из первых широко пользовался сведениями из таких важных источников, как «Силсилат ул-арифин», «Масмуат» и «Рашахат».

Подробное ознакомление с содержанием сочинения В.Л. Вяткина показывают, что на протяжении последующего периода многие авторы часто заимствовали и заимствуют сведения В.Л. Вяткина, при этом забывая указывать на его работы.

Изучая агиографические произведения, посвященные Ходже Ахрару, В.Л. Вяткин дает и оценку его деятельности как суфия — руководителя ордена накшбанди в Ташкенте и Самарканде. При этом деятельность Ходжи Ахрара как суфия он делит на несколько периодов. Детство, совершеннолетие, его учеба в Ташкенте, Самарканде, Герате, учеба у Якуба Чархи. Все это дало возможность Ходже Ахрару сформироваться как руководителю и наставнику ордена накшбанди, заявляет ученый.

Когда Ходжа Ахрар переселился в Самарканд, он уже имел огромное влияние на султана Абу Саида и его сына. При этом увеличились и ряды его врагов и недоброжелателей. Его вмешательство в государственные дела, тяга к богатству, пропаганда такого образа жизни, которая шла в разрез с идеями суфизма, давали повод его врагам выступать против него тайно и открыто. А Ходжа, защищая себя, заявлял: *«Задача суфия — спасти не только себя, но спасти и мир, а чтобы спасти мир, надо иметь над ним власть, для того же, чтобы иметь эту власть, нужно иметь сношение с миром. Таким образом, отречение от мира и владение миром служат одной конечной цели. Власть над миром, который есть мир страстей, зла, мир дьявола — служит ко благу того же мира, ибо несет ему спасение»* [19, с. 330].

В.Л. Вяткин делит также и политическую деятельность Ходжи Ахрара на несколько периодов. До кончины султана Абу Саида вся власть в Самарканде находилась в руках Ходжи Ахрара. Абу Саид и его сын Ахмад взамен поддержки и помощи Ходжи Ахрара давали ему огромное вознаграждение и привилегии, возможность увеличить свое состояние. Все это породило противостояние Ходжи Ахрара с предводителями других орденов. *«Популярность Ходжи Убайдуллы, разумеется, была не в интересах суфиев других орденов, в задачи которых входило не только личное спасение, но и в умножении числа адептов»*, — писал автор. — Султан Ахмад Мирза был при своем наставнике и учителе как правитель-марионетка. В доказательство этому В.Л. Вяткин пишет, что правитель Хорасана Султон Хусайн однажды написал письмо с угрозой войны не Мирзе Ахмаду, а Ходже Убайдуллаху. После смерти Абу Саида резко усиливается влияние Ходжи Ахрара на тимуридских царевичей. При этом В.Л. Вяткин делает изумительное заключение и пишет, что *«...пользуясь своим исключительным положением в государстве, он употребляет свою власть к торжеству справедливости»* [19, с. 330—331].

В.Л. Вяткин дает и сведения о богатствах Ходжи Ахрара. Он заявляет, что Ходжа Ахрар перед своей смертью отдает все свое имущество в вакф построенных на его средства медресе в городах Самарканда, Ташкента, Кабула. Много богатств он оставил своим сыновьям, превратив их в вакф потомков (вакф-и авлад).

Изучая вакуфное хозяйство Ходжи Ахрара в Ташкенте и Самарканде, В.Л. Вяткин собрал много сведений и по исторической географии Самарканда. Результатом этих разысканий стал его труд *«Материалы к исторической географии Самаркандской области»* [13, с. 1—83] получивший в свое время высокую оценку академика В.В. Бартольда. В этой работе В.Л. Вяткин определил границы частных владений Ходжи Ахрара в Самаркандской области.

Таким образом, делая вывод, отметим, что В.Л. Вяткин в своих исследованиях одним из первых начал изучать жизнь и деятельность Ходжи Ахрара [8, с. 24—30; 9, 1—49].

К началу XX века хозяйственными документами Ходжи Ахрара и его потомками уже интересуются видные российские ученые и востоковеды, в числе которых был В.В. Бартольд. Василий Владимирович Бартольд (3(15).11.1869 — 19.8.1930.) — востоковед, академик РАН (1913). Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета (1891). Первый раз он прибыл в Среднюю Азию в 1893 году. Один из организаторов Туркестанского кружка любителей археологии. Постоянный председатель Коллегии Востоковедов АН России, Почетный член Туркестанского народного университета (1918), Председатель комитета тюркологов (1928—30). Заместитель председателя Госакадемии материальной культуры, редактор научных журналов «Иран», «Мир ислама», затем «Мусульманский мир». Из всего изданных 685 произведений В.В. Бартольда 320 посвящены истории Средней Азии. Заслуга и роль академика В.В. Бартольда в изучении истории и культуры народов Средней Азии до конца не изучена.

В 1902 году академик познакомился с вакуфными документами Ходжи Ахрара. При этом он установил, что один из них составлен в 1292/1875 году хиджры, и не является оригинальным [3, с. 262—264].

В дальнейшем В.В. Бартольд серьезно начал заниматься исследованием жизни и деятельности Ходжи Ахрара, историей и культурой эпохи тимуридов. 12 марта 1915 года В.В. Бартольд выступил с докладом на заседании Восточного отдела Русского Археологического общества на тему «Улугбек и Ходжа Ахрар». По теме доклада выступили Н.И. Вселовский и Н.Я. Марр. По мнению докладчика, в XV веке в Центральной Азии шла борьба между двумя мировоззрениями; представителем одного из них был внук Тимура Улугбек, который в течение сорока лет управлял государством Тимура в Самарканде. Представителем второго мировоззрения был его младший современник, дервиш ордена накшбандия Ходжа Ахрар. Через два года после

смерти Улугбека он использовал свой религиозный авторитет для получения политической власти и в течение сорока лет управлял государством через мнимых и действительных потомков Тимура.

В 1918 году В.В. Бартольд завершил свое монографическое исследование «Улугбек и его время», которое было издано в Петрограде [5, с. 25—178] этой работе автор широко осветил деятельность Ходжа Ахрара. При этом деятельность Ходжа Ахрара получил, как нам кажется, двоякую оценку. С одной стороны, Ходжа Ахрар выступает как защитник народных масс, с другой стороны, он глава тех сил, которые уничтожили культуру эпохи Улугбека. Заслуга В.В. Бартольда в том, что при изучении эпохи Ходжи Ахрара, как и эпохи Улугбека и Алишера Навои, он ввел в научный оборот много новых источников. Среди них можно назвать произведение Фахриддина Али ас-Сафи ибн Воиза ал-Кашифи «Рашахату айни-л-хаят», труд Мухаммада Кози «Силсилат ул-арифин», Абдураззока Самарканди «Матлаъ ус-саъдайн ва мажмаъ ал-бахрайн» [1], Мирзы Мухаммада Хайдара «Тарихи Рашиди», написанный в 1544—1546 годах и состоящий из 2 частей (дафтар) [2, с. 183—185], Хондамира «Хабиб ус-сийар» полное название «Хабиб ус-сийар фи ахбор афроди-л-башар», написанное в 1521—1529 гг. и др.

Труд В.В. Бартольда «Улугбек и его время» создавался автором на протяжении долгих лет и отличается серьезностью своих выводов и размышлений. К сожалению, многие исследователи произвольно дают ссылки на это произведение и цитаты из него и тем самым искажают мнение ученого и его выводы. Основные выводы и заключения В.В. Бартольда основаны на сведениях первоисточников, авторов той эпохи. Кроме Ходжи Ахрара и Улугбека, академик В.В. Бартольд дает важные сведения о жизни и деятельности эмира Тимура, Шахруха, Абдуллатифа, Мирзы Абдулла, Абу Саида и др. [4, с. 7—8]. В своих научных трудах В.В. Бартольд изучил религиозную ситуацию эпохи тимуридов, историю суфизма, предводителей различных орденов. Среди них, как мы отметили, особо выделяется фигура Ходжи Ахрара.

Выводы и заключения В.В. Бартольда в отношении Ходжи Ахрара можно обобщать в следующем порядке:

1. После смерти эмира Тимура власть тимуридов оставалась устойчивой в Мовараннахре и Хорасане. При этом Улугбек правил Мовараннахром, находясь в Самарканде, а Шахрух управлял Хорасаном. В государственном управлении Улугбек соблюдал монгольские традиции и обычаи. В его государстве военная и родоплеменная знать имели большое влияние. Но в Хорасане Шахрух управлял государством, опираясь на представителей официального, книжного ислама, проявлял уважение к наставникам и руководителям суфийских орденов. В отличие от Самарканда предводители суфийских орденов не вмешивались в государственные дела, их влияние на центральную власть было очень ничтожным.

2. По мнению В.В. Бартольда, Улугбек был убит в результате заговора предводителей суфийских орденов, представителей консервативной части духовенства, а также военных. Смерть Улугбека показала существование в государстве тимуридов тяжелых и сложных внутренних конфликтов, наличие противоположных групп и их борьбы за власть.

3. Именно в ходе борьбы за власть высшая мусульманская знать (шейх ул-ислам, казии и др.), предводители суфийских орденов, а также кочевые узбеки Дашти кыпчака начинают активно вмешиваться во внутренние дела Мовараннахра.

4. Историческая действительность и события этой эпохи были фальсифицированы в угоду исторических лиц, таких как Абу Саид, Ходжа Ахрар и Абулхайрхан. По сведениям Масуда Кухистани, автора «Истории Абулхайрхана», Абу Саид на коленях просил помощи от Абулхайрхана. Именно с помощью Дашти кыпчакских узбеков во главе с Абулхайрханом Абу Саид разбил войска Абдуллы в июне 1451 года. Была прочитана хутба и отчеканена монета с именем Абулхайрхана. Но автор «Рашахата» не вспоминает об этом (или не хочет), а успехи Абу Саида он связывает с именем Ходжи Ахрара с его благодействием (карамат), предсказанием

(башарат) и его чудодействием; со встречей Абу Саида с Ходжа Ахраром в Пскенте, где Ходжа как бы благословил Абу Саида и предсказал ему трон Самарканда. А в действительности Абулхайрхан после этой победы возвратился в Туркестан с большими трофеями, также женившись на дочери Улугбека по имени Робиа султан, матери будущих царевичей Кучкунчи и Суюнчихана [10, с. 165, прим. 113]. Рабиасултон бегим умерла в г. Туркестане и похоронена в гробнице Ахмеда Яссави.

5. В.В. Бартольд высказал одно предположение, на которое следует обратить особое внимание. Если Абу Саид встретился с лидером Ташкентского ордена накшбанди Ходжой Ахраром, то, следовательно, он имел связи и с духовенством Бухары. Тем более что точно установлено, что Абу Саид имел близкие отношения с улемами Бухары. Следовательно, связи Ходжа Ахрара с Абу Саидом, естественно, были очень близкими. По предположению В.В. Бартольда встреча Абу Саида с Ходжой Ахраром могла произойти еще при жизни Улугбека.

Причем Абдураззак Самарканди пишет, что в это время (1450—1451) Абу Саид вел «казачий образ жизни», т. е. был вольным претендентом на трон. А биография Абу Саида не освещает этот период его жизни. Поэтому это мнение В.В. Бартольда остается на уровне догадки.

6. Независимо от того, как и когда произошла встреча Абу Саида с Ходжой Ахраром, результат говорит о том, что правитель всю жизнь подчинялся своему господину. «Абу Саид худро маъмури он хазрат медонист ва хилофи ишорат агарчи мумкин буд наметавонист» (Он *«повиновался Ходже и не мог противиться его указаниям, даже когда это было возможно»*), — писал Абдураззак Самарканди [5, с. 165, прим. 114].

7. По заключению академика В.В. Бартольда, время правления Абу Саида, в отличие от времени Улугбека, было временем правления дервишизма, противостоящего культуре. Абу Саид вошел в город Самарканд как мститель за смерть Абдулатифа. Он казнил убийц Абдулатифа в том же саду Чинар

и сжег их тела. Сорокалетнее правление Улугбека заменилось сорокалетним правлением представителя ордена накшбанди Ходжа Ахрара.

8. *«Явный ревнитель шариата и суфизма Ходжа Ахрар был типичным «ишаном».* Из числа Туркестанских суфиев одним из первых Ходжа Ахрар был удостоен этого имени. По словам панегиристов ишана, ему была чужда книжная наука (улуми зохири), в том числе и богословие. Но его праведная жизнь в духе шариата и сила личного обаяния доставили ему славу религиозного подвижника и чудотворца, с чем был связан также приток материальных пожертвований; свое богатство он тратил и на благо населения [5, с. 167].

9. Жизнь и интересы высших классов, лучшим представителем которых был Улугбек, были для него непонятны; как последовательные европейские коммунисты, он, по-видимому, отрицал всякую культуру, недоступную народным массам.

В своем докладе «Улугбек и Ходжа Ахрар» (доклад, 12 марта, 1915 года) В. Бартольд писал, что *«при оценки деятельности ишана не следует, конечно, забывать, что для него и для его искренних последователей борьба за шариат против культуры была борьбой за интересы народных масс против всяких притеснителей, как в XIX в. прямолинейные проповедники коммунизма требовали уничтожения городов и всякого научного образования, недоступного массам. Ишан выступал защитником народных масс даже против государя, тогда как интересы представителей высшего образования были связаны только с интересами государя и правящего класса».* И далее: *«Ишан и его сторонники не могли, конечно, понять, что борьба против культуры во имя общего равенства есть насаждение варварства, которое не могло не отразиться на способе управления, следовательно, на интересах тех же народных масс. Уже при Абу Саиде мы видим возобновление жестоких казней, посредством бросания живых людей в кипяток или сдирания с ног кожи, едва ли возможных при Улугбеке. Так же действовали впоследствии узбекские ханы, тоже называвшие себя*

мюридами дервишских шейхов. Последствия были бы еще более печальны, если бы дервишизму удалось одержать полную и прочную победу; но этого не случилось» [5, с. 168, прим. 122].

10. Время правления Абу Саида были созданы условия для победы дервишизма над другим течением, представителями которого были шейх ул-исламы, потомки автора «Хидайти» и книжное богословие.

11. Переход власти к Ходже Ахарару был постепенным. Новый правитель Абу Саид (1451—1469) начинает пользоваться авторитетом Ходжи Ахрара в свою пользу, начиная с 1455 года. Ходжи Ахрар действовал на благо народа то успешно, то без достижения цели (сдача и подчинение Мухаммада Джуки в Шахрухии, трехсторонний мир среди тимуридских царевичей, оборона Самарканда, посольство в Нурата к Саид Нуру, согласие на поход Абу Саида в Западный Иран в 1467—68 гг. т. д.).

12. После завоевания Хорасана Абу Саидом деятельность Ходжи Ахрара ограничивается Мовараннахром.

13. Мирзо Султон Ахмад, старший сын Абу Саида, по словам Бабура, был «простодушным турком» [6, с. 19—20], ничего не читал; естественно, что такой государь еще больше находился под влиянием ишана, чем его отец. В своей личной жизни Султан Ахмад всегда совершал в установленное время намаз и старался соблюдать предписания веры, кроме запрещения пить вино. Страдая запоем, он мог пить 20—30 дней кряду, но даже во время пиршеств не забывал совершать намаз. Как государь, он старался быть справедливым правителем в духе ислама и решать все дела по шариату, но в глазах современников его правление было в сущности правлением ишана, которого пережил только на несколько лет (*«Беи вакт намозини бе тарк утар эди. Шурб махалларида хам намози тарк булмас эди. Хазрати Хожя Убайдуллохга иродати бор эди. Хазрати Хожя мураббий ва мукаввий эдилар. Бисёр муаддаб бор эди....Хеч нарса укуголи эмас эди, оми эди. Бовужудким, шахарда улгайиб эди, турк ва содда эди. Табъдин бахраси йук эди...Гохиким ичкулукка тушар эрди, йигирма-утиз кун паё-пай ичар эрди...Ихтиёри беклари илгида эди»*) (Он всегда совершал

пятничные молитвы. Даже во время пьянства он не покидал молитву. Господин Ходжа был его воспитателем и сильно на него влиял. Он сильно уважал Ходжу. Был он необразованным, неграмотным. Хотя он воспитывался в городе, был простодушным турком. Не имел способности... Иногда, когда занимался винопитием, то в течение 20—30 дней он пил постоянно...Его воля была в руках его беков) [5, с. 171].

14. По сведениям источников, в том числе сообщениям Бабура, Самарканд при Ходже Ахраре уже не был городом науки и культуры, литературы. Но В.В. Бартольд пишет: «Полного прекращения умственной жизни не было и в Самарканде. Точные науки, насаждавшиеся Улугбеком, не нашли для себя в Самарканде благоприятной почвы, хотя еще мирза Султан-Махмуд, брат и преемник Султан Ахмада, в противоположность своим братьям относившийся с презрением к ишану, обладал некоторыми познаниями по математике» [5, с. 174].

15. Больше следов оставила эпоха Улугбека в истории мусульманского богословия. Это видно в деятельности основанного Улугбеком медресе. Книжное богословие не могло остаться без влияния на самих дервишей; ученостью отличался уже сын ишана Хожа Ко (Хожаи калон) или Ходжа Ходжей. Каковы бы ни были отрицательные стороны мусульманского схоластического богословия, его борьба с еще более враждебным культуре среднеазиатским дервишизмом есть несомненная заслуга перед человечеством (вывод Эд. Мейера в отношении победы религии над наукой) [5, с. 173].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что академик В.В. Бартольд широко и всесторонне изучил эпоху, жизнь и деятельность Ходжи Ахрара. Главное заключение В.В. Бартольда состоит в том, что Ходжа Ахрар использовал свой религиозный авторитет для захвата политической власти и управлял страной на протяжении сорока лет.

Во-вторых, в период правления тимуридов суфийские шейхи в Средней Азии (в противоположность Ирану) под лозунгом «защиты шариата» боролись против верхушки официального духовенства и книжного богословия, против

верховой власти во главе с Улугбеком, которые стремились придерживаться монгольских традиций.

В этой борьбе симпатия народа, без сомнения, была на стороне Ходжи Ахрара. Однако победа Ходжа Ахрара означала победу варварства над высокой городской культурой эпохи Улугбека. Представители побежденной «деревенским шейхом» городской культуры удалились в Герат, к блестящему двору Султан Хусайна. Яркими представителями этой культурной среды были Мир Алишер Наваи и Абдурахман Джами.

И в конце мы должны констатировать, что некоторые выводы и мнения академика В.В. Бартольда в отношении Ходжа Ахрара и учения ордена накшбандия, эпохи тимуридов являются спорными и до конца не решенными.

Обобщая вышеприведенные сведения, отметим, что фигура Ходжи Ахрара — это символ ослабления центральной власти, символ взвинчивания и усиления социальной напряженности, упадка государственного управления, культуры, научной жизни. Деятельность Ходжи Ахрара — первый пример вмешательства суфийских представителей в политику. В дальнейшем уже другие руководители суфийских семей и кланов активно вмешивались в государственные дела (дагбедские шейхи, джуйбарские ходжи и др.). При этом возвышение власти этих суфийских орденов всегда приводило к ослаблению центральной власти, обнищанию широких слоев населения, с одной стороны, и обогащению видных представителей ведущих орденов с другой. В посттимуридский период и в период существования трех ханств наставники и руководители суфийских орденов всячески и различными путями старались сохранить и легитимизировать свое господствующее положение и власть над обществом. Муриды и почитатели этих орденов, авторы различных агиографических произведений, составители фиктивных генеалогий и родословий старцев и наставников всячески способствовали усилению их влияния на государство и общество, также увеличению богатств своих предводителей как «средству оказания благ народу и властям». Это понимал и академик В.В. Бартольд, которого, к сожалению, мы начали забывать.

Список литературы:

1. Абдураззак Самарканди. Матлаъ ас-саъдайн ва мажмаъ ал-бахрайн / Перевод с персидского, введение и комментарии А. Уринбоева. — Ташкент, 1969. — 320 с.
2. Ахмедов Б. Узбекистон халклари тарихи манбалари. — Ташкент, 1987. — 360 с.
3. Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан / Сочинения. — Т. 7. — М.: Наука, 1973. — С. 243—262.
4. Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Предисловие / Сочинения. — Т. II. — Ч. 2. — М.: Наука, 1964. — 658 с.
5. Бартольд В.В. Улугбек и его время / Сочинения. — Т. 2. — Ч. 2. — М.: Наука, 1964. — с. 25—178.
6. Бобур Захираддин Мухаммад. Бобурнома / Подготовка текста к изданию Порсо Шамсиев. — Ташкент: Юлдузча, 1989. — 430 с.
7. Веселовский Н. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде // Восточные заметки. Отд. отт. — СПб., 1895. — С. 321—335.
8. Вяткин В.Л. Перевод В.Л. Вяткиным «Самария» описание Самарканда достопримечательностей мусульманских святых / Рукопись. ЦГА РУз. Ф-Р 1591, опись-2, дело-33. — 49 с.
9. Вяткин В.Л. Различные черновые наброски по истории суфизма и ислама, заметки о Ходже Ахраре и др. / Рукопись. ЦГА РУз. Ф-Р 1591, опись-2, дело-33. лл. 24—30.
10. Муизз ал-ансаб (прославляющее генеалогии). Введение, перевод с персидского языка, примечания, подготовка факсимиле к изданию Ш.Х. Вохидова. В «История Казахстана в персидских источниках». Т. III. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. — 420 с.
11. Соболев А.Н. Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе // ЗРГО. — Т. 4. — СПб., 1874. — с. 32.
12. Советская историческая энциклопедия. Т. 13. — М., 1971. — с. 101—102.

13. Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 7. — Самарканд 1902. — с. 1—83.
14. Туркестанские ведомости, 1 (13) августа 1896 года. — № 57. — С. 239—240.
15. Флыгин Ю.С. Академик В. Бартольд: человек, учёный, друг — в зеркале переписки с Н. Остроумовым / III Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. — Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2011. — С. 8—52.
16. Хорошхин А.П. Вакуфы в Ташкенте // Туркестанские ведомости. 1884. — № 32. — с. 342—346.
17. Хорошхин А.П. Самарканд. Первый Коран / Сборник статей, касающихся Туркестанского края. — СПб., 1876. — С. 231—232, 240—241; 325.
18. Ю.О.Я. Открытие музея при Самаркандском областном статистическом Комитете // Туркестанские ведомости. — 1896. — 13 августа (№ 57). — с. 239.
19. Ю.О.Я. Из биографии Ходжи Ахрара // Туркестанские ведомости. — 1904. — № 147. — с. 22—230.